

Т. Г. Иванова

К ИСТОРИИ АРХИВНОГО ФОНДА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Общеизвестно, что основателем Пушкинского Дома, получившего в послереволюционной России второе наименование — Институт русской литературы Российской Академии наук, — был Б. Л. Модзалевский. Однако создание этого всемирно известного филологического научно-исследовательского центра было бы невозможно без влиятельной поддержки одного из представителей царствующего Дома Романовых — великого князя Константина Константиновича (1858—1915). В силу многих обстоятельств (исторические события, должностное положение, и, самое главное, собственные историко-культурные интересы) Константин Константинович оказался причастен к становлению Пушкинского Дома.

3 мая 1889 г. именным указом Александра III Константин Константинович был назначен президентом императорской Академии наук. Образ Пушкина для великого князя, поэта К. Р., был священным, и мысль об увековечении в той или иной форме памяти о гении русской поэзии все время занимала Константина Константиновича. 29 января 1897 г. он писал вице-президенту Академии известному филологу, пушкинисту Л. Н. Майкову: «Сегодня, в годовщину смерти Пушкина, более чем когда-либо хочется видеть осуществленную мечту об учреждении общества его имени. Я очень надеюсь, что вы будете помогать мне в достижении цели».¹ В ноябре 1898 г. Константин Константинович как президент Академии обратился к царю с ходатайством об учреждении Комиссии по устройству празднеств 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Председателем этой Комиссии стал он сам. В ходе подготовки к юбилею были проведены работы по реставрации могилы поэта в Святогорском монастыре; государством приобретено село Михайловское для последующего устройства в нем какого-либо благотворительного учреждения; развернулась работа по подготовке академического собрания сочинений. Тогда же по ходатайству Констан-

тина Константиновича была увеличена пожизненная пенсия Марии Александровне Гартунг, старшей дочери А. С. Пушкина.²

20 апреля 1899 г. великий князь встал во главе еще одной Комиссии — по проведению подписки и сооружению памятника А. С. Пушкину в Петербурге. 29 апреля, опять-таки по инициативе Константина Константиновича, внутри Академии наук при Отделении русского языка и литературы был создан Разряд изящной словесности — аналог существовавшей параллельно с Санкт-Петербургской Академией наук с 1783 по 1841 г. Российской Академии, членом которой был А. С. Пушкин. По положению Разряд изящной словесности должны были составить писатели, поэты и исследователи в области художественной словесности.

Постепенно наряду с планами сооружения памятника великому поэту в Пушкинской комиссии выкристаллизовалась еще одна идея — создание Пушкинского Дома.³ 22 сентября 1906 г. Константин Константинович записывал в своем дневнике: «В 2 часа у меня в столовой собралась Пушкинская комиссия — граф И. И. Толстой, вице-президент и непрременный секретарь Академии наук, Саломон, Исаков, Султанов. Предполагали кроме памятника Пушкина на Петербургской стороне, при съезде с Троицкого моста, направо на набережной выстроить Пушкинский дом для хранения рукописей и всего относящегося к Пушкину и писателям, появившимся после него. Обсуждали „положения“ этого Дома». 28 февраля 1907 г. проект Положения о Пушкинском Доме был одобрен Комиссией, а 14 июля император Николай II его утвердил. В Положении говорилось: «Дом Пушкина учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания в нем всего того, что касается Пушкина как писателя, человека и гражданина...».⁵

Пушкинский Дом явился, таким образом, одним из деяний Константина Константиновича на поприще служения Академии наук. В предреволюционные годы сюда начали стекаться рукописные, изобразительные материалы и мемориальные предметы, связанные с историей русской изящной словесности. Поначалу все собранные сокровища русской культуры хранились в главном здании Академии и находились в ведении Б. Л. Модзалевского, служившего заведующим Архивом Конференции (то есть Общего собрания Академии). Сюда же, в Пушкинский Дом, К. Р. завещал и литературную часть своего собственного архива. История этого фонда, хранящегося ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, представляет особый интерес (РО ИРЛИ, ф. 137). Отметим, что история фонда Константина Константиновича сложна и многоэтапна. Дело личного фонда № 137 (делопроизводственный документ для служебного пользования), к сожалению, многие вопросы проясняет не до конца: записи лаконичны и часто очень неконкретны. Более информативной оказалась подборка документов, находящихся в Петербурге в Архиве Академии наук (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1: «Канцелярия Пушкинского Дома об архиве Константина Романова»). На эти материалы мы и будем опираться.

Константин Константинович скончался 2 (15) июня 1915 г. Завещание великого князя относительно его архива звучало следующим образом: «Завещаю императорской Академии наук: 1) мое собрание автографов императрицы Екатерины II, Пушкина, Лермонтова, А. Н. Майкова, Тютчева и других русских писателей; 2) альбом Ю. Н. Бартевева; 3) мою переписку с Як. Карл. Гротом, Аф. Аф. Шеншиным (Фетом), Аполлоном Ник. и Леонидом Ник. Майковыми, Як. Петр. Полонским, Ник. Ник. Страховым, П. И. Чайковским, А. Ф. Кони, академиками, учеными и писателями и т. д.; 4) альбом, содержащий письма, полученные по поводу перевода и представления „Трагедии о Гамлете, принце Датском“ и касающиеся моих произведений; 5) все мои рукописи стихотворений и литературных и критических трудов; 6) пакеты с бумагами, касающиеся императорской Академии наук; 7) все собрание тетрадей моего дневника, которому быть хранимым неприкосновенно в библиотеке или архиве Академии. Ни ближайшим моим родным, ни посторонним не предоставляю права читать мой дневник в течение девяноста (90) лет по моей кончине. По прошествии этого срока по усмотрению Академии, но не иначе, как с благосоизволения царствующего Государя императора и с согласия старейшего из прямых моих потомков, дневник мой, частями или полностью, может быть напечатан; 8) перстень А. С. Пушкина (золотой с четырехугольным изумрудом); 9) перо А. А. Фета, две картины, писанные Я. П. Полонским, им мне подаренные. (На одной из них изображен дом Фета-Шеншина в Воробьевке). Всё означенное в этих девяти пунктах должно поступить в Пушкинский Дом по его созданию, в отдел имени Леон. Ник. Майкова, а до этого храниться в русском отделении Библиотеки императорской Академии наук. Дневник же мой и по создании Пушкинского Дома должен оставаться в названной Библиотеке».⁶

Уже в ноябре 1915 г. первая часть рукописей, завещанных К. Р. Академии наук, находилась в ее распоряжении. 24 ноября чиновник особых поручений Академии Владимир Александрович Рышков докладывал непременно секретарю академику Сергею Федоровичу Ольденбургу: «Имею честь представить вашему превосходительству полученные мною сего числа предметы из конторы в Бозе почившего великого князя Константина Константиновича, переданные в императорскую Академию наук на основании завещания его императорского высочества, согласно описи, на которой мною učinена расписка в получении».⁷ И далее перечисляются почти все из названных выше документов и предметов. Здесь же дано краткое описание содержания портфеля с собранием автографов выдающихся исторических лиц и писателей (Екатерина II, митрополит Платон, Пушкин, Лермонтов, Гете, Шиллер и др.).

На первом заседании 1916 г., 9 января, С. Ф. Ольденбург доложил Общему собранию Академии наук дополнительный список предметов из наследия К. Р., переданных в Академию. Список следующий: «1) Переписка великого князя с писателями: 2 тома переписки с А. А. Шеншиным-Фетом. 2 тома переписки с Я. П. Полонским. 1 том переписки с Н. Н. Страховым. 1 том переписки с П. И. Чайковским. 1 том переписки с А. Н. Майковым. 1 том

переписки с И. А. Гончаровым. 1 том переписки с Л. Н. Майковым. 2) 7 черновых тетрадей литературных трудов великого князя. 3) Связка ключей от 66 дневников великого князя».⁸ На отпечатанном типографским способом экземпляре данного списка, хранящемся в Архиве Академии наук, имеется расписка В. И. Срезневского, стоявшего в то время во главе Рукописного отделения Библиотеки Академии наук: «Восемь томов переписки, семь тетрадей трудов В<еликого> Князя и 1 ключ принял в Рукоп<исное> отд<еление> Библиотеки имп<ераторской> Акад<емии> наук. В. Срезневский. 18.II.916» (ААН, ф. 2, оп. 1—1915, № 35, л. 80).

Сразу же скажем, что большая часть архива К. Р., завещанная им лично в Пушкинский Дом, в конце концов здесь и осела, хотя не все документы оказались в его личном фонде. Обозначим особо значимые комплексы материалов. Переписка великого князя с выдающимися деятелями русской культуры, бережно сохраненная Константином Константиновичем (после смерти дорогих ему корреспондентов К. Р. просил родственников вернуть его собственные письма) и переплетенная в отдельные тома, в настоящее время хранится в его личном фонде: с П. И. Чайковским — ф. 137, № 78; с И. А. Гончаровым — № 65; с А. Н. Майковым — № 66; с Л. Н. Майковым — № 67; с Я. П. Полонским — № 70—73; с Н. Н. Страховым — № 74; с А. А. Фетом — № 75 и 76. Этот материал бесценен и в связи с изучением биографии поэта К. Р., и в связи с творчеством его великих корреспондентов. В отдельные тома переплетены также отзывы различных лиц на его стихотворения (№ 88) и на перевод и постановку шекспировского «Гамлета» (№ 120). Творческие рукописи Константина Константиновича (его стихотворения, варианты драмы «Царь Иудейский», переводов Шекспира, Шиллера, Гете и др.) составляют массив документов — № 1—29. Сохранились критические отзывы Константина Константиновича на стихотворения других авторов, написанные им в связи с вопросом о присуждении какой-либо премии (№ 31—54). Об остальных документах и памятных вещах, упомянутых в завещании К. Р., будет сказано ниже.

Следует сказать, что передача в Академию наук отдельных материалов из архива К. Р., имеющих литературный характер, продолжалась на протяжении всего 1916 и 1917 гг. Так, 3 февраля 1916 г. С. Ф. Ольденбург благодарит Р. Ю. Константиновского, душеприказчика великого князя, за передачу рукописей К. Р. «Возрожденный Манфред» (современный шифр: РО ИРЛИ, ф. 137, № 17) и «Трагедия об Отелло, венецианском мавре» (шифр: ф. 137, № 29) (запись о поступлении этих рукописей в Академию наук см.: ААН, ф. 2, оп. 1—1915, № 35, л. 84). 3 июня 1916 г. Академия получила бювар с 53 листами со стихотворениями Константина Константиновича (там же, л. 89). 22 ноября Академия обращается к шталмейстеру Двора великого князя Н. Н. Ермолинскому с просьбой передать вдове К. Р., великой княгине Елисавете Маврикиевне, благодарность за присылку двух тетрадей: первой — с рукописью «Переделка Царя Иудейского» и речью о поэте А. А. Голенищеве-Кутузове, читанной Константином Константиновичем 27 октября 1913 г. на публичном заседании Разряда изящной словесности (в

настоящее время шифр: ф. 137, № 15)⁹ и второй — с переводом статьи Шиллера «О пользовании хором в трагедии» (шифр: ф. 137, № 28) (запись об этих рукописях см.: ААН, ф. 2, оп. 1—1915, № 35, л. 92—93). 11 ноября 1917 г., буквально через несколько дней после Октябрьского переворота, С. Ф. Ольденбург отсылает письмо князю В. А. Шаховскому с просьбой поблагодарить Елисавету Маврикиевну за передачу ею пятнадцати акварельных рисунков к трагедии «Гамлет» (там же, л. 95).

В связи с тем, что Пушкинский Дом в 1915 г., когда скончался Константин Константинович, не имел своего здания и в соответствии с распоряжением самого великого князя, его архивные документы первоначально оказались в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук. Там же переписки К. Р. с вице-президентом Академии Л. Н. Майковым решено было передать в Архив Конференции Академии. Золотой перстень Пушкина и перо Фета были помещены на хранение в кассу Правления Академии. Надо отметить, что Библиотека Академии наук очень ответственно отнеслась к хранению архива К. Р.: уже в январе 1917 г. ученый хранитель рукописей А. Л. Бем составил охранную опись рукописям Константина Константиновича.¹⁰ По этой описи мы и можем судить о первоначальном составе архива К. Р.

В Рукописном отделении БАН архив находился до 1922 г. Начало 1920-х гг. было весьма значимым в истории Пушкинского Дома периодом. Еще в апреле 1919 г. Пушкинский Дом получил собственное помещение — здание архива бывшего Таможенного департамента на Тифлисской улице рядом с Библиотекой Академии наук. Правда, переезд состоялся только в октябре 1922 г., после того, как там был сделан необходимый ремонт. Летом 1920 г. Пушкинский Дом получил в свое распоряжение также особняк С. С. Абамелека-Лазарева на Миллионной улице и в 1921 г. начал его активно осваивать, разворачивая там одну за другой выставки.¹¹ Тогда же возникла наивная в условиях новой власти мысль о создании в Мраморном дворце, до революции принадлежавшем семье Константина Константиновича, памятного отдела, посвященного К. Р. 10 марта 1922 г. Пушкинский Дом обратился в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК), размещавшуюся в Мраморном дворце, со следующим запросом: «В виду того, что бывшие апартаменты поэта К. Р. в Мраморном дворце по настоящее время находятся в неприкосновенном виде, Пушкинский Дом обращается в Совет Академии с просьбой, не найдет ли он возможность передать апартаменты эти вместе с находящимся в них имуществом в ведение Пушкинского Дома для устройства на них особого отдела Пушкинского Дома имени К. Р.» (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1, л. 36; черновик). Названный проект принят не был (см. ответ РАИМК от 10 мая 1922 г. — там же, л. 40—41). Однако контакты Пушкинского Дома с Академией истории материальной культуры имели важные последствия: Мраморный дворец начал передавать в Пушкинский Дом мебель, бумаги и другие предметы.

Так, 22 марта Пушкинский Дом получил ряд рукописных материалов и вещей князя Олега (1892—1914), сына Константина Кон-

стантиновича: его лицейский знак, орден Андрея Первозванного, письма отца и матери к нему и др. (там же, л. 39). 20 июня в Пушкинский Дом поступила семейная переписка К. Р.: письма его русской и иностранной родни, детей, жены и т. д. (там же, л. 42—42 об.) и целый комплекс документов Олега Константиновича (там же, л. 43—47). Впоследствии материалы князя Олега составили в Пушкинском Доме отдельный фонд (фонд № 214).¹²

Осенью 1922 г., освоив здание на Тифлисской улице, Пушкинский Дом поднял перед Академией наук вопрос о передаче ему, согласно завещанию К. Р., основного архива великого князя. Этот вопрос решался на Общем собрании Академии 14 октября 1922 г. Сохранился следующий документ на бланке Российской академии наук: «Директор Пушкинского Дома (исполняющим обязанности директора в это время был Б. Л. Модзалевский. — *Т. И.*), напомнив Конференции (Общее собрание Академии. — *Т. И.*), что покойный президент Академии великий князь Константин Константинович завещал Пушкинскому Дому свое собрание Пушкина и других писателей, перстень Пушкина с изумрудом, перо Фета и некоторые другие материалы, с тем, чтобы все эти драгоценности хранились в Рукописном отделении Библиотеки Академии вплоть до того времени, когда Пушкинский Дом переедет в свое собственное здание, просил Конференцию сделать постановление о передаче ныне всего завещенного покойным имущества Пушкинскому Дому, так как последний фактически уже переехал в свое отдельное здание <...> Положено: передать, о чем сообщить для исполнения Рукописному отделению Библиотеки и Пушкинскому Дому. Непременный секретарь академик С. Ольденбург» (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1, л. 50). Уже 26 декабря Пушкинский Дом официально связывается с Библиотекой Академии наук по этому вопросу и поручает хранителю Н. В. Измайлову принять под расписку рукописи К. Р. (там же, л. 51).

Материалы Константина Константиновича, включая пушкинские рукописи, оказались в Пушкинском Доме, по-видимому, в начале 1923 г. В отчете Академии за 1923 г. говорится: «Обращаясь к Рукописному отделению (Пушкинского Дома. — *Т. И.*), надо отметить ряд особенно ценных в него поступлений, среди которых на первом месте следует отметить собрание рукописей Пушкина, завещенное Дому покойным Президентом Академии поэтом К. Р. (12 автографов Пушкина и альбом Ю. Н. Бартенева с автографом Пушкина)».¹³

В том же 1923 г. в Пушкинский Дом поступили золотой перстень Пушкина и перо Фета, хранившиеся с 24 ноября 1915 г. в кассе Правления Академии. Вопрос об этих драгоценных памятных вещах Пушкинский Дом поднял 4 сентября (там же, л. 52 — черновик обращения в Правление РАН), и вскоре тот же Н. В. Измайлов (там же, л. 53 — доверенность на получение) получил названные вещи.

По-видимому, в этот же период, в 1922—1923 гг., материалы, обозначенные в завещании Константина Константиновича в пункте 6 («пакеты с бумагами, касающиеся императорской Академии наук») были приданы только что созданному Архиву Академии

наук, где составили фонд 6 (фонд Президента Академии наук).¹⁴ Это был первый акт в длинной цепочке дробления архива К. Р., о чем мы будем говорить ниже. Однако в целом двадцатые годы (до 1929 г.) в судьбе архива Константина Константиновича могут считаться периодом пополнений и добавлений, а не изъятий. И главным источником пополнений был все тот же Мраморный дворец. Так, 27 октября 1924 г. Российская Академия истории материальной культуры передала в Пушкинский Дом целый комплекс документов из библиотеки Мраморного дворца (39 номеров — там же, л. 56), среди которых были: рукописный полный экземпляр «Русских пословиц» В. И. Даля, поднесенный собирателем великому князю Константину Николаевичу, отцу К. Р. (здесь же находятся документы, касающиеся разрешения данного труда на публикацию) (современный шифр: ф. 137, № 178, 179, 145); старинные списки с произведений русских писателей; записная книжка К. Р. и т. д.

Важная часть этого поступления из Мраморного дворца — коллекционное собрание автографов, полученное Константином Константиновичем от Ольги Алексеевны Новиковой (1840—1925), урожденной Киреевой, жены генерал-лейтенанта Новикова, имевшей политический салон в Англии и писавшей под псевдонимом «О.К.» статьи о политических отношениях России и Англии.¹⁵ В собрании О. А. Новиковой были автографы Гете, Байрона, мадам де Сталь, Э. Ренана, П. Мериме, А. Рамбо, Оскара Уайльда, Ференца Листа, Чарльза Диккенса, К. Д. Кавелина, Вл. Соллогуба и других деятелей культуры. О. А. Новикова была знакома с К. Р. (тот, кстати, приобрел у ее отца, генерала А. А. Киреева, небольшое имение Сенькино в Подольском уезде Московской губ.) и, зная его интерес к историко-культурным документам, передала ему часть своей коллекции. Впоследствии в Пушкинском Доме был образован личный фонд О. А. Новиковой, получивший по некоторым обстоятельствам политического характера тот же номер 137, что и фонд Константина Константиновича (см. о причинах ниже). В фонде О. А. Новиковой сохранились пустые конверты с надписями рукой фондообразовательницы: «Его императорскому высочеству великому князю Константину Константиновичу. Автографы: Palmerston. Gladstone. Clarendon. Motier и Kinglake».¹⁶ На конверте карандашная помета рукой Константина Константиновича: «На хранении в моей библиотеке. К. Р. 7.XI.1910». На другом конверте: «От О. А. Новиковой, рожд. Киреевой. Получено 9 июня 1910». На третьем: «В библиотеку. Автографы, подаренные О. А. Новиковой. 7 мая 1911» (РО ИРЛИ, ф. 137 (О. А. Новиковой), оп. 1, № 37). Эти конверты, а также перечень материалов, переданных РАИМК в Пушкинский Дом 27 октября 1924 г., бесспорно свидетельствуют, что коллекция автографов О. А. Новиковой в предреволюционные годы принадлежала Константину Константиновичу. Таким образом, значительный пласт зарубежных автографов (а именно они составляли большую часть коллекции О. А. Новиковой), которыми владеет Пушкинский Дом, связан с именем К. Р.

В 1935 г. та же Академия истории материальной культуры пополнила фонд К. Р. письмом к нему поэтессы Софьи Свириденко (от 23 октября 1912 г.), найденным в одной из книг тамошней библиотеки (современный шифр: ф. 137, № 115).

Еще одним значимым источником пополнения фонда Константина Константиновича стал личный архив Роберта Юльевича Минкельде, офицера дорогого Константину Константиновичу Измайловского полка, секретаря знаменитых Измайловских досугов, извечного корректора печатных трудов великого князя (Р. Ю. Минкельде посвящено стихотворение К. Р. «Закат над Нилом»). 24 ноября 1926 г. от него поступила серия документов: как сказано в пушкинодомской книге поступлений, это «записки» К. Р. и рукописи некоторых его статей и критических отзывов. Можно предположить, что тогда же в Пушкинском Доме оказались 95 писем за 1885—1914 гг. К. Р. к Минкельде (с обращениями типа «Милый мой Роберт», «Милый Робинька»). Укажем, что письма весьма информативны и дают интересный материал для истории Измайловских досугов (шифр: ф. 137, № 69).

В 1920—1950-е гг. в архивной практике бывшего Советского Союза не соблюдался очень важный принцип недробимости личных фондов. Поэтому внутри архивов обычными были перемещения отдельных комплексов документов из одного фонда в другой. Это касается и фонда Константина Константиновича. 7 января 1937 г. из фонда известного коллекционера Александра Евгеньевича Бурцева (1863—1937) (ф. 123) к фонду К. Р. присоединены отдельные документы. Уточнить, какие именно материалы были приданы фонду К. Р., по отложившейся документации не представляется возможным.

Первый этап научно-технической обработки личного фонда Константина Константиновича, в том виде, как архив сложился уже в Пушкинском Доме (с многочисленными дополнениями сверх завещанного самим К. Р. и с не менее многочисленными изъятиями, о которых будет сказано ниже), был завершен в 1930 г. Об этом свидетельствует фондовая карточка от 23 сентября, согласно которой архив К. Р. считался разобраным. Именно тогда была создана машинописная опись, которой пользуются до сих пор исследователи, включающая в себя 173 единицы хранения. К сожалению, имя составителя этой описи нам выяснить не удалось. На этот период в фонд К. Р. были включены отнюдь не все рукописи, полученные из Мраморного дворца после революции; часть из них оставалась неописанной. В 1955 г., когда проходил научно-техническую обработку фонд князя Олега, сына Константина Константиновича, некоторые материалы были присоединены к фонду 137. Тогда же, в середине 1950-х гг., были описаны документы, поступившие после Октябрьского переворота из Мраморного дворца. Это рукописи, которые сейчас в описи составляют единицы хранения с № 174 по 234 (рукописное дополнение к описи, составленное сотрудницей Рукописного отдела Марией Павловной Султан-Шах). В основном это старинные списки с произведений А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, К. Ф. Рылеева и других авторов первой половины XIX в. (№ 180—193, 196—205). Можно предположить, что это архив, который достался К. Р. от его отца

великого князя Константина Николаевича. В этом же комплексе документов, обработанных в 1955 г., имеются дневниковые записи на немецком языке Александры Иосифовны, матери К. Р. (№ 194), листки из альбома императрицы Александры Федоровны (№ 195), а также письма Ольги Константиновны, королевы Греческой, любимой сестры К. Р. (№ 230). Здесь же находится небольшой комплекс писем других корреспондентов Константина Константиновича (№ 219—223).

Фонд К. Р. продолжает пополняться вплоть до наших дней. Так, 25 мая 1992 г. от сотрудницы Пушкинского Дома О. А. Белобровой поступила фотография 1915 г., на которой К. Р. снят в группе с сотрудниками Константиновской геофизической обсерватории. Среди прочих — дед О. А. Белобровой Сергей Иванович Савинов и ее дядя Сергей Павлович Белобров (№ 237). 25 мая 1995 г. от другой сотрудницы Пушкинского Дома, М. М. Павловой, поступил фотопортрет дочери К. Р., Веры Константиновны Романовой, жившей в США в штате Нью-Йорк. Портрет был подарен М. М. Павловой во время ее поездки в Америку (№ 238). Наконец, 3 июня 1998 г. в библиотеке Пушкинского Дома в одной из книг случайно были найдены письмо А. Е. Грузинского к К. Р. и письмо Е. К. Кристи к нему же. Эти материалы также присоединены к личному фонду К. Р. (№ 239, 240).

Однако архив Константина Константиновича не только пополнялся; отдельные документы из него выделялись и передавались в другие фонды Рукописного отдела и даже в другие архивы. Посылаательства со стороны тоталитарной власти на архивные материалы семьи Романовых начались еще в начале 1920-х гг. 19 октября 1923 г. Российская Академия наук, ссылаясь на постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 12 сентября о сосредоточении всех материалов семьи Романовых в Центральном архиве РСФСР, обратилась в Пушкинский Дом с запросом о том, находятся ли в его распоряжении рукописи данного характера (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1, л. 54). Пушкинский Дом вынужден был отвечать положительно, подчеркивая при этом, что архив К. Р. носит литературный характер.

В 1926 г. запрос был повторен. В пушкинодомской делопроизводственной папке «Акты о передачах материала из Архива Института литературы за 1926/1937 гг.» мы находим следующий документ, подписанный академиком Николаем Петровичем Лихачевым и секретарем Пушкинского Дома Борисом Ивановичем Копланом: «14 июля 1926 г. № 498. В ответ на секретное отношение с<его> г<ода> за № 4811 Пушкинский Дом сообщает, что в собраниях Рукописного его отделения хранятся нижеследующие материалы, могущие подойти под действие декрета ВЦИК от 12 сентября 1923 г., относительно архивных материалов б<ывшей> царской фамилии и лиц, близко с ней связанных:

Архив в<еликого> к<нязя> Константина Константиновича (К. Р.)

а) литературная его часть, выделенная для П<ушкинского> Дома из поступившего в А. Н. в 1915 г. всего архива, по завещанию К. Р. <...>

б) поступившая в Пушкинский Дом в годы революции из б<ывшего> Мраморного дворца оставшаяся там часть архива К. Р. и его семьи; еще не разобрана и не описана» (л. 1).

В 1926 г., как и в 1923 г., дело, кажется, ограничилось только ответом на названное «секретное отношение». Однако в конце 1920-х гг. окрепшая тоталитарная власть действовала более решительно и последовательно. В деле фонда К. Р. имеется запись о том, что в 1929 г. Правительственной комиссией часть архива Константина Константиновича была передана в Центрархив (позднее: Центральный государственный архив Октябрьской революции; ныне: Государственный архив Российской Федерации). Обращение к делопроизводственной папке, где хранятся акты о передаче рукописных материалов в другие архивы, позволяет несколько уточнить эту краткую запись. Один из документов, относящийся к работе Правительственной комиссии, звучит следующим образом: «Из Рукописного отделения постановлением Госкомиссии во главе с тов. [Ю. П.] Фигатнером в 1929 г. были изъяты материалы, укрывавшиеся в нем в антисоветских целях <...>: материалы, коллекции и архивы, не имеющие отношения к литературе. Это архив княгини Оболенской, архив черносотенного проф. Никольского, частично архив К. Р. и многое другое» (л. 3).¹⁷ Имеется и «Опись бумаг, отобранных при просмотре Рукописных фондов Пушкинского Дома и имеющих особое значение, и бумаг, не подлежащих хранению в Пушкинском Доме». Приведем параграф четвертый этого документа: «Из архива К. Р.: Манифест Александра II (подпись-факсимиле). Письмо Плеве к К. Р. (по поводу свящ. Григория Петрова). Завещание Константина Константиновича (младшего), утвержденное Николаем II 22.II 1917 г. Секретная записка в к. Константина Николаевича Александру II. Биография Николая I, поднесенная К. Р.» (л. 4).

Устные предания, которыми богата история Рукописного отдела Пушкинского Дома и которые подчас официально заявляются в печати,¹⁸ утверждают, что в Пушкинском Доме когда-то находились и дневники Константина Константиновича, которые были изъяты Правительственной комиссией и переданы в Центрархив. Однако каких-либо документальных подтверждений этой гипотезы мы не обнаружили. Более того, в инвентарной книге поступлений Рукописного отделения Библиотеки Академии наук за 1900—1916 гг. на л. 69 мы нашли следующую запись за № 5090а: «Дневник в. кн. Константина Константиновича XIX—XX вв. 55 т<етрадок> (так! — Т. И.)». И далее на полях следует помета: «Изъято Фигатнер<овской> комиссией в 1929 г.» Сейчас эти материалы находятся в ГАРФ; недавно отдельные фрагменты этого дневника были опубликованы Э. Матониной.¹⁹

По тем же устным свидетельствам старейших сотрудников Рукописного отдела явствует, что, опасаясь дальнейших посягательств различных Правительственных комиссий на архив К. Р. и возможного изъятия ценнейших документов, сотрудники Рукописного от-

дела в свое время выделили в отдельное собрание материалы О. А. Новиковой, а точнее — попытались «запрятать» коллекционные материалы, принадлежавшие некогда Константину Константиновичу и полученные им от О. А. Новиковой, в специально созданном личном фонде этой представительницы русской культуры. По не совсем понятным мотивам, скорее всего связанным также с желанием скрыть от инспектирующего ока властей наличие в Пушкинском Доме фонда члена императорской фамилии, личный фонд О. А. Новиковой, как уже говорилось выше, получил тот же номер, что и фонд К. Р. — 137. Фонд О. А. Новиковой числится разобранным на 25 сентября 1938 г.

Напомним, что автографы видных политических и культурных деятелей Европы и России, были переданы О. А. Новиковой Константину Константиновичу в 1910-е гг., то есть с этого периода они составляли коллекционную часть архива уже не самой О. А. Новиковой, а великого князя К. Р. очень дорожил этими документами и самую ценную их часть хранил в отдельном конверте в специальном портфеле, где находились также автографы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. По описи А. Бема это конверт 11. В настоящее время все перечисленные А. Бемом документы сохранились и находятся в фонде 137 (О. А. Новиковой): письмо князя А. А. Вяземского к М. И. Долгорукову — оп. 2, № 12; письмо князя А. С. Меншикова к В. В. Долгорукову (?) — оп. 1, № 49; два письма на французском языке П. А. Вяземского к неустановленному лицу — оп. 2, № 13; письмо Т. Н. Грановского к Павловой — оп. 2, № 20; письмо Н. В. Кукольника к А. И. Левшину — оп. 1, № 38; письмо М. Н. Загоскина к неизвестному — оп. 1, № 29; записка В. А. Жуковского к неизвестному лицу — оп. 1, № 28; письмо М. П. Погодина к неизвестному — оп. 1, № 68; письмо В. П. Боткина к О. А. Новиковой — оп. 2, № 121; письмо М. М. Сперанского к И. О. Селифонтову — оп. 1, № 85; письмо Ш. Лавалетта к неизвестному — оп. 2, № 121; письмо Джузеппе Мадзини неизвестному, которое по описи Пушкинского Дома значится как письмо Manin (?) — оп. 1, № 76; записка Фердинанда Лессепа к неизвестному — оп. 1, № 68; конверт, надписанный Джованни Пачини — оп. 2, № 91; два письма П. И. Рикорда к Пакимади — оп. 1, № 69; два письма кардинала Дж. Антонелли к неизвестному — оп. 1, № 4; два письма Бьюста, которые А. Бемом определены как письма к неизвестному, а в описи Пушкинского Дома значатся как письма к Новикову — оп. 1, № 9; письмо С. В. Свечиной к Долгорукову — оп. 1, № 82; письмо И. И. Лажечникова, которое А. Бемом определено как к неизвестной, а сотрудниками Пушкинского Дома как к сестре — оп. 1, № 39; список стихотворения Парни — оп. 1, № 94. Как видим, этот коллекционный материал оказался не только изъятым из архива Константина Константиновича, но и в фонде самой О. А. Новиковой рассыпан по разным описям. Вторая же партия документов О. А. Новиковой, как говорилось выше, поступила в Пушкинский Дом из библиотеки Мраморного дворца уже после революции. Сейчас эти материалы также находятся частично в фонде О. А. Новиковой, частично же оказались в других собраниях, хотя, повторим еще раз,

логичнее их рассматривать как коллекционные материалы архива Константина Константиновича.

В коллекционной части архива Константина Константиновича находились также бесценные сокровища русской культуры — рукописи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Несколько слов скажем об их судьбе. Эти материалы были выделены из архива К. Р. и присоединены соответственно к личным фондам названных писателей согласно внутреннему (не связанному ни с какими политическими мотивами) решению Пушкинского Дома вскоре после того, как архив К. Р. поступил сюда из Рукописного отдела БАН. Остановимся несколько подробнее на пушкинской коллекции, находившейся во владении Константина Константиновича, и на вопросе о том, как она складывалась.

К 1899 г., юбилейному пушкинскому году, Константин Константинович был владельцем золотого пушкинского перстня с четырехугольным изумрудом. В примечаниях к своему завещанию по поводу пункта восьмого (о перстне) великий князь отмечал: «Этот перстень через немного часов по кончине Пушкина был снят с его руки вдовой его и подарен Далю, дочь которого, в супружестве Ольга Владимировна Демидова, подарила перстень мне».²⁰ Из дневника Константина Константиновича ясно, что перстень оказался в его руках 14 декабря 1892 г., когда его посетила О. В. Демидова: «Отец ее присутствовал при кончине Пушкина, только что он умер, вдова сняла с руки покойника золотой перстень с квадратным изумрудом и подарила его Далю на память. Даль носил всю жизнь этот перстень, а после его смерти он достался его дочери Демидовой. Она женщина со средствами <...> И вот она придумала подарить его мне. Я с восторгом принял этот редкостный подарок; буду хранить его как сокровище».²¹ Перстень был представлен на пушкинской выставке, проходившей в Академии наук в 1899 г.²² Сейчас эта пушкинская реликвия хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Петербурге.

Абсолютно ясной является история поступления к К. Р. пушкинского автографа со стихотворением, посвященным поэту-слепцу Ивану Ивановичу Козлову. В феврале 1899 г. Александра Ивановна Козлова (1812—1903),²³ 87-летняя дочь поэта И. И. Козлова, обратилась к Константину Константиновичу с предложением принять автограф пушкинского стихотворения, посвященного ее отцу («Певец! Когда перед тобой...»). Запись об этом К. Р. сделал в своем дневнике 8 февраля 1899 г. Насколько значимым было для Константина Константиновича это событие, свидетельствует тот факт, что он переписал в дневник и письмо А. И. Козловой (написанное рукой опекавшей ее Софьи Александровны Стахович), и само стихотворение А. С. Пушкина.²⁴

Данный пушкинский автограф вместе с письмами А. И. Козловой и С. А. Стахович Константином Константиновичем хранился в особом конверте (по описи А. Л. Бема конверт 4) в портфеле, где находились самые драгоценные автографы, собранные великим князем. В настоящее время письма обеих корреспонденток находятся в фонде К. Р. (ф. 137, № 176 и 177). Приведем их полностью.

А. И. Козлова — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., до 8 февраля

Ваше императорское высочество!

Позвольте просить Вас взять под Ваше покровительство прилагаемое стихотворение Пушкина — автограф, полученный моим отцом, слепцом-поэтом Козловым, в ответ на посланную им Пушкину свою первую поэму «Чернец».

Я радуюсь вручить именно Вам этот драгоценный листок, в котором священная для меня память моего отца соприкоснулась с великим именем Пушкина.

Я совершенно одинока, стара (мне 37 лет) и слаба, но я живо помню встречи с Вашим высочеством у гр<афини> Блудовой²⁵ и у Якова Грота.²⁶

Примите же от меня горячее пожелание долгих лет Вашему семейному счастью, любви к доброй науке, к поэзии и к музыке.

Вашего императорского высочества
покорная слуга
Александра Козлова,
дочь поэта.

Симеоновская ул. 5, кв. 10.

С. А. Стахович — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., до 8 февраля

Ваше императорское высочество!

Александра Ивановна Козлова поручила мне переслать Вашему высочеству прилагаемый автограф Пушкина с покорной просьбой решить, куда Вы пожелаете пожертвовать его: в Румянцевский ли музей или в Александровский Лицей.

Старинный друг нашей семьи, А. И. Козлова заменяет моей рукой свою дряхлую руку, вот почему и сегодня я исполняю ее поручение перед Вашим высочеством.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Софья Стахович.

В ответ на эти два письма Константин Константинович написал, что желал бы оставить автограф Пушкина у себя, о чем и записал в своем дневнике: «Я написал С. А. Стахович, умоляя оставить эту драгоценность у меня вплоть до моей смерти».²⁷ В ответ от нее было получено следующее письмо.

С. А. Стахович — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., после 8 февраля

Как я понимаю, Ваше высочество, вашу радость! Я приложилась к листку, когда А. И. дала мне его в руки.

И предчувствуя то, что вызовет он в Вас, А. И. решила передать его Вашему высочеству.

Мне думается, что ежели Вы выразите Козловой Ваше желание, она не задумается, как поступить. Позвольте мне просить Вас сделать меня Вашим посредником, чтобы передать письмо, т<а>к к<ак> я ее глаза и руки. А она танцевала мазурку с Пушкиным, за панибрата говорила с ним — чудесно и невероятно! Аксаков писал: «Какой еще пользы? Стихи Пушкина — благодеяние!» Конечно — да. С глубоким уважением и сердечным сочувствием

Ваша покорная слуга

София Стахович.

Согласие А. И. Козловой, естественно, было получено.

А. И. Козлова — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., 3 марта (?)

Ваше императорское высочество!

Не сумею благодарить, как чувствую, за милостивый ответ Ваш ко мне. Сердечно и откровенно могу сказать, что истинное мое желание и было, чтобы автограф Пушкина, столь дорогой моему отцу, приютился у Вас, в среде поэзии и сочувствия, чему и радуясь.

Благодарю Ваше высочество и прошу верить моей глубокой преданности

Александра Козлова.

3 января
1899 г.

Это письмо, как и предыдущее, написано рукой С. А. Стахович; подпись же и дата поставлены самой А. И. Козловой. Мы полагаем, что дата «3 января 1899 г.» — это явная ошибка корреспондентки. Судя по содержанию, письмо является вторым ее посланием К. Р., и следовательно, написано несколько позже 8 февраля, когда Константин Константинович сделал в своем дневнике запись о пушкинском автографе. Таким образом, мы несколько уточняем дату передачи автографа Константину Константиновичу А. И. Козловой по сравнению с той, что указана в описании Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского («декабрь 1898»)²⁸

Такова история о том, как данный автограф Пушкина оказался в распоряжении Константина Константиновича (ныне шифр: РО

ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 65). Напомним о происхождении пушкинского стихотворения «Козлову». Знакомство И. И. Козлова (1779—1840) с А. С. Пушкиным относится к послелицейскому петербургскому периоду жизни последнего. В 1825 г. И. И. Козлов послал в Михайловское Пушкину свою поэму «Чернец» (СПб., 1825) с надписью на книге: «Милому Александру Сергеевичу Пушкину от автора». В ответ в мае того же года он получил стихотворение великого поэта. 25 мая И. И. Козлов записал в своем дневнике, что Л. С. Пушкин принес ему «чудное послание» от своего брата.²⁹

Константин Константинович очень дорожил этим пушкинским автографом, гордился им и уже в мае 1899 г. представил его на Пушкинскую выставку, проходившую в Академии наук.³⁰

К 1899 г. Константин Константинович был владельцем также альбома Юрия Никитича Бартенева (1792—1866), в котором были собраны автографы видных деятелей культуры первой половины XIX в. (писатели и поэты И. И. Лажечников, Е. П. Ростопчина, В. Ф. Одоевский, М. Н. Загоскин, Н. В. Кукольник, П. А. Вяземский, Н. М. Языков и др.).³¹ Среди прочих было пушкинское стихотворение 1830 г. «Сонет», или «Мадонна» («Не множеством картин бессмертных мастеров...»), связанное с образом невесты поэта Н. Н. Гончаровой. Стихотворение было вписано Пушкиным в альбом Ю. Н. Бартенева 30 августа 1830 г., накануне отъезда из Москвы в Болдино.³² Впервые данный пушкинский автограф еще в 1863 г. был опубликован Петром Ивановичем Бартевым (1829—1912), известным пушкинистом, издателем первого журнала, специально посвященного публикации исторических и литературных документов, «Русского архива».³³

Не совсем ясно, как альбом Ю. Н. Бартенева оказался в руках Константина Константиновича. Самое логичное предположить, что сам П. И. Бартев подарил его великому князю. Этот альбом был представлен на юбилейной пушкинской выставке как собственность Константина Константиновича.³⁴ В настоящее время шифр пушкинского автографа: РО ИРЛИ, ф. 244, № 124, л. 96—96 об.

Остальная часть пушкинской коллекции Константина Константиновича сложилась уже после 1899 г. Это автографы, доставшиеся К. Р. после кончины Л. Н. Майкова (1839—1900), крупного ученого-филолога, редактора первого тома академического собрания сочинений Пушкина, вице-президента Академии наук. Эта часть пушкинского собрания К. Р. образовалась в 1902 г., когда вдова Л. Н. Майкова, Александра Алексеевна Майкова (1841—1915),³⁵ распорядилась находящимися у нее пушкинскими автографами: передала их в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук и Константину Константиновичу. Собрание самого Л. Н. Майкова, в свою очередь, восходило к семье Пушкина. В начале 1850-х годов П. В. Анненков (1813—1887), предпринявший свое издание сочинений Пушкина, получил от Н. Н. Ланской (Пушкиной) два сундука бумаг поэта. После смерти П. В. Анненкова автографами Пушкина владела его вдова Глафира Александровна Анненкова (1831—1899), которая и передала их Л. Н. Майкову.³⁶ Обратим внимание на то, что в пушкинистике обычно говорится, что владельцем автографов

был только сам Л. Н. Майков; каталог же юбилейной выставки 1899 г. владелицей отдельных рукописей называет А. А. Майкову.

Автографы А. С. Пушкина, полученные К. Р. от А. А. Майковой, хранились в конверте (по описи А. Л. Бема конверт 7), на котором было сделано распоряжение Константина Константиновича о передаче рукописей в I Отделение БАН, с датой — 26 января 1906 г. (Пушкинского Дома на то время еще не существовало). Назовем эти автографы, опираясь на описание Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского и дополняя в необходимых случаях указанием на участие того или иного автографа в юбилейной выставке 1899 г.

1. «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»). С датой: «1821 февр.14». Беловой автограф с поправками; чернила. С жандармскими пометами (следовательно, на момент кончины поэта этот автограф находился в его квартире). Сертификация почерка и даты карандашом П. В. Анненкова. Автограф воспроизведен: *Пушкин А. С. Сочинения / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. Прил. II. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 42.*

2. «Анчар древо яда» («В пустыне чахлой и скупой...») (с датой: «9 ноября 1828 Малинники»; черновой автограф); «Ответ Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...») (с датой: «10 ноябр. 1828. Малинники»; беловой автограф). Здесь же выписка из Кольриджа, имеющая отношение к стихотворению «Анчар» («It is a poison tree that pierced to the inmost Weeps only tears of poison. Coleridge»), и набросок плана неизвестного замысла («[Цыганка] [Зима] дорога Москва генерал Одесса»). С жандармскими пометами. Автограф воспроизведен: *Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 871 и 621. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 102.*

3. «Ямб» («Поэт по лире вдохновенной...»); «Покойник, автор сухощавый...». Автограф относится к 1828 г. Почерк небрежный, с поправками, местами черновой; чернила. С жандармскими пометами. Автограф был представлен на юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Майкова (Каталог. № 22). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 103.

4. «Казбек! Твой царственный шатер...» («Монастырь на Казбеке»); «Отрывок» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...») (с датой: «1829 Кавказ»); «К бюсту завоевателя» («Напрасно видишь тут ошибку...») (с датой: «21 сент.»). Автограф беловой с правками; чернила. С жандармскими пометами. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 113.

5. «Кружусь ли я в толпе мятежной...» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») (с датой: «26 дек. 1829 СПб. 3 часа 5 м.»). Автограф беловой; чернила. Запись на обороте записки к неизвестной на французском языке. С жандармскими пометами. Автограф воспроизведен: *Зильберштейн И. С. Из бумаг Пушкина. М., 1926. С. 13. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Майкова (Каталог. № 27). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 116.*

6. «Сонет» («Поэт, не дорожи любовью народной» (с датой: «1 июля 1830»); «Картина» / «Сонет» («Не множеством картин бес- смертных мастеров...» (с датой: «8 июля»). Автограф белой, с по- правками; чернила. С жандармскими пометами. Автограф участво- вал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Май- кова (Каталог. № 28). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 123.

7. «Для берегов отчизны дальней...» (с датой: «27 Ноябрь 1830 Болд»). Автограф белой, с поправками; чернила. Запись на обо- роте письма неизвестного к А. С. Пушкину по поводу выдачи сви- детельства о благополучном состоянии Болдина. Автограф участ- вовал в юбилейной выставке как собственность А. А. Майковой (Каталог. № 34). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 146.

8. «О чем шумите вы, народные витии?» («Клеветникам Рос- сии»). С датой: «2 авг. Ц. С.», то есть 2 августа 1831 г. в Царском Селе. Автограф белой, с поправками; чернила. С жандармскими пометами. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность А. А. Майковой. Воспроизведено: Альбом Пушкин- ской юбилейной выставки в Академии наук / Под ред. Л. Н. Май- кова и Б. Л. Модзалевского. СПб., 1899. Л. 70. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 176.

9. «На севере он гостем был невольным...» («Он между нами жил...»). Стихотворение, посвященное А. Мицкевичу; датируется 1834 г. Автограф черновой; чернила. С рисунком: на фоне гор па- сущая лошадь. В юбилейной выставке 1899 г. не участвовал. С жандармскими пометами. Воспроизведено: Литературное наследст- во. М., 1934. Т. 16—18. С. 477. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 198.

10. «Он между нами жил...». С датой: «10 авг. 1834 СПб». Авто- граф белой, с поправками, переходящий в черновой; чернила. С жандармскими пометами. На л. 1 сверху карандашные пометы и цифры рукой Л. Н. Майкова. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность А. А. Майковой (Каталог. № 42). Воспроизведено: Пушкин. 1834 год. Л., 1934. Между с. 80— 81. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 199.³⁷

11. «Полководец» («У русского царя в чертогах есть палата...»). С датой: «7 апр. 1835 Св. воскр. СПб мятель и мороз». Автограф белой, с разновременными поправками; чернила. С жандармски- ми пометами. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Майкова (Каталог. № 46). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 205.

12. «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...» Стихо- творение датируется 1835 г. Автограф белой с поправками; чер- нила. С жандармскими пометами. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 220.

Таковы рукописи Пушкина, когда-то находившиеся во владении Константина Константиновича.

Великий князь имел отношение еще к одному пушкинскому автографу. 29 ноября 1910 г. К. Р. записывал в своем дневнике: «Морской врач Бартенсон (так! — Т. И.), служивший лет 20 назад в Измайловском полку, прислал мне для передачи Академии наук подаренное ему дочерью Пушкина графиней Меренберг письмо ее

отца к его невесте Н. Н. Гончаровой, написанное на обороте письма к Пушкину Языкова. Оба письма на французском языке». ³⁸ Речь идет о письме Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 1—2 декабря 1830 г., перевод которого был напечатан еще в 1878 г. И. С. Тургеневым, получившим на то разрешение младшей дочери поэта графини Н. А. Меренберг. ³⁹ Данный автограф был подарен впоследствии его Василию Бернардовичу Бертенсону (1853—?), получившему звание лекаря в 1879 г., всю жизнь прослужившему по Военному ведомству, в 1909 г. бывшему статским советником, старшим врачом 2-го Балтийского экипажа. ⁴⁰ Этот пушкинский автограф Константин Константинович сразу же передал в Пушкинский Дом. Уже в 1911 г. Б. Л. Модзалевский включил его в свой список рукописей, относящихся к Пушкину. ⁴¹

В коллекции К. Р., как уже говорилось выше, хранился также один из автографов другого великого русского поэта — М. Ю. Лермонтова (по описи А. Бема конверт 2). Это письмо поэта на французском языке к Марии Александровне Лопухиной (1802—1877), сестре Вареньки Лопухиной, в которую поэт был безнадежно влюблен; письмо от 15 февраля 1838 г. с приложением стихотворения «Молитва странника» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...»). Впервые письмо (без стихотворения) было опубликовано в журнале «Русский архив». ⁴² Можно предположить, что Константину Константиновичу этот автограф, как и альбом Ю. Н. Бартенева, достался от издателя «Русского архива» П. И. Бартенева. 4 декабря 1910 г. Константин Константинович записывал в своем дневнике: «На „субботе“ у Ермолинского, посвященной Лермонтову, Грибоедову, Веберу и Шуберту, прочел принадлежащее мне подлинное письмо к Марии Алексеевне (правильно: Александровне. — Т. И.) Лопухиной (по-французски)...». ⁴³ В настоящее время данный автограф М. Ю. Лермонтова находится в личном фонде поэта (РО ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, № 34), причем в описи, в отличие от других рукописей Лермонтова, ничего не сказано о том, откуда этот документ поступил в Пушкинский Дом.

Не совсем ясна судьба упомянутого в завещании К. Р. пера А. А. Фета, входившего в коллекцию Константина Константиновича. Перо было передано К. Р. вдовой поэта Марией Петровной Шеншиной-Фет 17 января 1893 г., когда она, приехав в Петербург, посетила великого князя. Тогда же М. П. Шеншина-Фет передала Константину Константиновичу тетрадь неизданных стихотворений своего мужа, которые К. Р. вместе с Н. Н. Страховым подготовил к печати. ⁴⁴

В настоящее время в Музее Института русской литературы находится перо А. А. Фета, которое по инвентарной описи значится как переданное в Пушкинский Дом в 1924 г. из Государственного музейного фонда. Принадлежность этой памятной вещи великому князю Константину Константиновичу по документам не обозначена. Тем не менее мы полагаем, что в документацию Пушкинского Дома закралась ошибка, невольная или намеренная, и, скорее всего, перо А. А. Фета, которым сейчас владеет Пушкинский Дом, когда-то находилось в коллекции К. Р. По приведенным выше документам значится, что Н. В. Измайлов из кассы правления Академии наук, где хранились перстень Пушкина и перо Фета, эти памятные

предметы получил для Пушкинского Дома в сентябре 1923 г. В инвентарную книгу Музея Пушкинского Дома перо Фета внесено в 1924 г. Слишком маловероятно, чтобы на протяжении нескольких месяцев из двух разных источников (Касса правления Академии наук и Государственный музейный фонд) Пушкинский Дом получил два разных пера одного и того же поэта. В инвентарной книге, надо полагать, сделана намеренная ошибка, объясняемая указанными выше посягательствами тоталитарной власти на все документы и предметы, связанные с членами императорской фамилии.

В завещании К. Р. говорилось также о двух картинах Я. П. Полонского. К сожалению, нам не удалось выяснить, какие именно из картин Я. П. Полонского, хранящихся ныне в Музее Пушкинского Дома, ранее находились в составе коллекции Константина Константиновича.

Как видим, коллекционная часть архива К. Р. оказалась в значительной мере рассыпана по разным собраниям: перстень Пушкина в настоящее время, после того как Музей-квартира поэта на Мойке отделился от Пушкинского Дома, находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина; перо А. А. Фета хранится в Литературном музее Пушкинского Дома; рукописи А. С. Пушкина переданы в его личный фонд; письмо М. Ю. Лермонтова также придано личному фонду поэта; материалы, переданные в свое время Константину Константиновичу О. А. Новиковой, в Рукописном отделе Пушкинского Дома составили отдельный фонд.

Тем не менее большая часть архива великого князя, лично им завещанного в Пушкинский Дом, описанная в свое время А. Бемом, и до сего дня составляет единое целое. В составе личного фонда К. Р. осталась некоторая часть его коллекции автографов выдающихся исторических деятелей. Прежде всего это 11 автографов Екатерины II с десятью копиями с них (РО ИРЛИ, ф. 137, № 127 б). Эти автографы в 1892 г. были опубликованы Н. К. Шильдером, который указывал, что собственноручные записки Екатерины II были найдены им среди бумаг М. М. Сперанского.⁴⁵ Возможно, что сам Н. К. Шильдер и передал их Константину Константиновичу, которому данные документы могли быть интересны не только в связи с их общей исторической ценностью, но и по личным обстоятельствам. Дело в том, что эти записки Екатерины II касались так называемого «греческого проекта» — создания самостоятельного православного государства на обломках Османской империи во главе с императором русской крови великим князем Константином Павловичем. Императрица писала: «Буде же успехи войны подали бы способы и случай России к совершенному выгнанию врага имени Христова из пределов Европейских, то Россия, за таковой всему христианству и роду человеческому заслугу, выговаривает себе восстановлению на развалинах варварской державы древняя Греческой империи. Россия обещает оную империю в совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему российскому великому князю Константину Павловичу, который тогда имеет дать обещание да не учинить ни в каком случае наследственное или иное притязание на всероссийское наследие, равномерно и брат его на греческое» (ф. 137, № 127 б, л. 3 автограф;

л. 2 — копия). Константин Павлович, напомним, был первым из особ царствующего дома владельцем Мраморного дворца, в котором впоследствии жил сам Константин Константинович. Поэтому данные документы Екатерины II представляли для К. Р. особый интерес.

Назовем остальные коллекционные автографы, собранные в свое время Константином Константиновичем и находящиеся в настоящее время в составе его личного фонда: письмо митрополита Платона (Левшина) к императору Павлу I с датой 26 мая 1799 г. (по описи А. Бема конверт 3) — ф. 137, № 127 г; автограф стихотворения Ф. И. Тютчева «А. К. Плетневой» («Чему бы жизнь нас не учила...») (по описи А. Бема конверт 6) — № 127 е; рисунок А. Н. Майкова с датой 1873 г. (по описи А. Бема конверт 9) — № 127 в; письмо (на немецком языке) Гете к госпоже фон Фогт с датой 21 июня 1781 г. (по описи А. Бема конверт 10) — № 127 а; письмо Шиллера к Фридерике Юлиане Грисбах с датой 2 июля 1800 г. (по описи А. Бема конверт 10) — № 127 ж; письмо мадам де Сталь к Шиллеру (по описи А. Бема конверт 10) — № 127 д.

Рукописные материалы великого князя Константина Константиновича, хранящиеся в Пушкинском Доме, имеют огромное историко-литературное значение. Документы позволяют уточнить отдельные моменты творческой биографии самого поэта К. Р.; посредством эпистолярной дают богатый материал для изучения жизни многих выдающихся деятелей русской культуры и науки; сохраняют для потомков автографы русских и зарубежных исторических лиц.

¹ К. Р. Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. Зародова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово. СПб., 1999. С. 492.

² См.: *Соболев В. С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе императорской Академии наук. 1889—1915 годы. СПб., 1993. С. 112; Чествование памяти А. С. Пушкина императорскою Академией наук в сотую годовщину дня его рождения. Май 1899. СПб., 1900.

³ Подробнее см.: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905. 1930. 1980 (Исторический очерк). Л., 1980. С. 12—24.

⁴ *К. Р., великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы к публикации подготовлены Э. Матониной. М., 1998. С. 312—313. В дневниковой записи Константина Константиновича упомянуты следующие лица: *Толстой Иван Иванович* (1858—1916) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; член Археологической комиссии (с 1885 г.), вице-президент Академии Художеств (1893—1905), действительный член Академии наук (с 1897 г.); министр народного просвещения (1905—1906). Автор трудов по нумизматике.

Никитин Петр Васильевич (1849—1916) — филолог-классик. Закончил Историко-филологический институт. В 1873 г. получил кафедру в Нежинском институте князя Безбородко. С 1879 г. преподавал в Петербургском университете. Академик с 1892 г. С 1900 по 1916 гг. — вице-президент Академии наук; член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину.

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, индолог, автор работ по истории и культуре древней и средневековой Индии. Окончил Петербургский университет. Преподавал там с 1889 г. С 1900 г. — академик. С 1904 по 1929 гг. — непреременный секретарь Академии наук; член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину. В 1930—1934 — директор Института востоковедения АН СССР.

Саломон Александр Петрович (1853 — 1908) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; директор Александровского Лицея. Закончил, как и его отец и дядя, в 1874 г. с золотой медалью Лицей. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку. Участник войны 1877—1878 гг.; был ранен. С 1881 г. служил в Министерстве внутренних дел; был секретарем по тюремным делам. В 1900 г. назначен директором Лицея и оставался на этом посту до своей смерти. При нем был создан Совет Лицея, состоявший из бывших выпускников; сделана капитальная перестройка зданий Лицея. А. П. Саломон был близким другом философа В. С. Соловьева, делал переводы из Данте и с арабского языка. Сохранилось письмо А. П. Саломона к Константину Константиновичу (РО ИРЛИ, ф. 137, № 88, л. 98). См. о нем: Наставникам, хранившим юность нашу: Памятная книжка чинов императорского Александровского, бывшего Царскоевельского, Лицея с 1811 по 1911 год / Сост. А. А. Рубец. СПб., 1911. С. 225—231.

Исаков Петр Николаевич (1852—1917) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; экономист, член Общества содействия русской промышленности и торговли, Кустарного комитета и других организаций. Учредитель Русского литературного общества (1896) и Союза русских писателей. В Пушкинском Доме находится неразобранный архив П. Н. Исакова (РО ИРЛИ, ф. 116), выделенный из собрания П. Я. Дашкова.

Султанов Николай Владимирович (1850—1908) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; архитектор, действительный член Академии Художеств, член Археологической комиссии. Окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге (1873). С 1876 г. преподавал в Институте историю древнерусской архитектуры. В дальнейшем возглавлял кафедры по истории архитектуры в Технологическом институте и Николаевской инженерной академии. В 1893—1903 гг. — директор Института гражданских инженеров. С 1903 г. — председатель Техничко-строительного комитета Министерства внутренних дел, ведомства, регламентировавшего всю строительную деятельность в России. Основные постройки Н. В. Султанова — православный Морской собор в Кронштадте (1898), придворная церковь в Петергофе (1899). Среди отреставрированных им памятников: Дмитриевская башня Нижегородского кремля, церковь Троицы в Останкино, дворец царевича Дмитрия в Угличе и др. См. о нем подробнее: *Комарова И. И.* Архитекторы. Краткий биографический словарь. М., 2000. С. 414—416.

⁵ *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. С. 23.

⁶ Цитируется по «Выписке из духовного завещания Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича, Высочайше утвержденного 5 октября 1912 года», отпечатанной на правах рукописи в качестве I-го приложения к протоколу X Общего собрания императорской Академии наук 7 ноября 1915 г. — по экземпляру, хранящемуся в Архиве Академии наук (ААН, ф. 1, оп. 1а — 1915, № 162, л. 92—92 об.).

⁷ Приложение к протоколу XI заседания Общего Собрания императорской Академии наук 28 ноября 1915 г. // Известия императорской Академии наук. Сер. 6. 1916. № 2. С. 60—61.

⁸ Извлечения из протоколов заседаний Академии. Общее собрание. I заседание, 9 января 1916 года // Известия императорской Академии наук. Сер. 6. 1916. № 5. С. 271.

⁹ См.: *К. Р.* Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 1—15; перепечатано: *К. Р.* Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. СПб., 1913; *К. Р.* Критические отзывы. СПб., 1915. С. 434—448.

¹⁰ Рукописи князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук / Сост. А. Л. Бем // Известия Академии наук. Сер. 6. 1917. № 11. С. 764—799.

¹¹ *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. С. 53.

¹² О князе Олеге см.: *Краснобородейко Т. И.* Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина // Русское подвижничество. М., 1996. С. 233—244.

¹³ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 год / Сост. С. Ф. Ольденбург. Л., 1924. С. 111.

¹⁴ См.: Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Л., 1933. С. 38 (Труды Архива; Вып. 1).

¹⁵ *Белов А.* Зарубежная публицистика // Исторический вестник. 1909. № 5. С. 542—568.

¹⁶ Здесь перечислены следующие лица: *Пальмерстон, Генри Джон* (1784—1865) — английский государственный деятель. Родился в аристократической семье. Образование получил в Кембридже. Член Палаты общин (1807—1865). В 1809—1829 гг. — министр по военным делам; в 1830—1841 и 1846—1851 гг. — министр иностранных дел. В 1855—1865 — премьер-министр. Проводил очень жесткую политику, направленную против России. Выступал за вытеснение России из Дунайских княжеств, за захват Севастополя, за отторжение от нашей страны ряда южных территорий.

Гладстон, Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель. Родился в семье богатого коммерсанта. Закончил Оксфорд. С 1832 г. — член парламента от партии тори. В 1843—1845 гг. — министр торговли; в 1845—1847 — министр колоний; в 1852—1855 — министр финансов. Сторонник войны против России в 1853—1856 гг. В 1859—1866 гг. — министр финансов в правительстве Пальмерстона. В 1868—1874, 1880—1885 и 1892—1894 гг. — премьер-министр Англии.

Кларендон, Джордж Уильям Фредерик Вильерс (1800—1870) — английский государственный деятель. Служебную карьеру начал на дипломатическом поприще в качестве английского атташе в Петербурге (1820). В 1846 г. — министр торговли; в 1847—1852 — лорд-наместник в Ирландии. В 1853—1858, 1865—1866 и 1868—1870 — министр иностранных дел. Проводил политику подталкивания Турции к войне с Россией.

Кинглейк, Александр Вильям (1809—1891) — английский историк. Родился в семье банкира. Закончил Кембридж (1832). В 1835 г. совершил путешествие на Восток, которое описал в своей книге «*Eothen, or Traces of Travel brought from the East*». В 1845 г. участвовал в военной компании в Алжире. В 1854 г. находился при английских войсках в Крыму. Автор семитомного исторического труда «*Invasion of the Crimea*» (1863—1887). См. о нем: *The Dictionary of National Biography*. London, [1921—1922]. Vol. 11. P. 171—172.

Мориер, Роберт Бёрнет (1826—1893) — английский дипломат. Происходил из семьи потомственных дипломатов. Закончил Оксфорд. Служил в Вене, Франкфурте, Берлине, Португалии, Испании. С 1 декабря 1884 г. вплоть до своей кончины был английским послом в Петербурге. Был очень популярен в русских политических кругах. В 1885 г. его усилиями был предотвращен назревавший военный конфликт между Англией и Россией. См. о нем: *The Dictionary of National Biography*. London, [1921—1922]. Vol. 13. P. 949—950.

Скорее всего, в конверте, о котором идет речь, хранились письма Гладстона, Мориера, Кларендона и Кинглейка к самой О. А. Новиковой, в настоящее время находящиеся в ее личном фонде (ф. 137, оп. 2, № 45, 83, 30, 57), а также письмо Пальмерстона к неизвестному (там же, № 92).

¹⁷ О какой книжке Оболенской идет речь, выяснить не удалось. «Черносотенный профессор Никольский» это, без сомнения, Никольский Борис Владимирович (1870—1919) — историк, поэт, переводчик. Сын В. В. Никольского (1837—1883), создателя Пушкинского музея в Александровском Лицее. Образование получил в Училище правоведения и на юридическом факультете Петербургского университета. С 1900 по 1906 гг. — приват-доцент историко-филологического факультета этого же университета; читал спецкурсы по лирике Пушкина и Фета. В 1903 г. по его инициативе был создан «Кружок изящной словесности», объединявший студенческую молодежь. 31 декабря 1905 г. при встрече Николая II с общественностью Б. В. Никольский произнес речь патриотическо-монархического характера (см.: *Всеподданнейшая речь в Высочайшем присутствии при приеме депутатов Русского Собрания*. Харьков, 1906). Один из создателей «Союза русского народа». В 1906 г. по требованию либерально настроенного студенчества вынужден был оставить университет. С 1907 по 1912 г. читал курсы истории русской словесности и римского права детям великого князя Константина Константиновича — Олегу и Игорю, сумев привить Олегу любовь к Пушкину и сформировав из него пушкиниста (см. работы Б. В. Никольского о погибшем во время Первой мировой войны князе Олеге: *Князь Олег*. Пг., 1915; *Его императорское высочество князь Олег Константинович // Исторический вестник*. 1914. № 11. С. VII—XVII). В 1913—1917 гг. состоял в должности профессора по кафедре римского права в Юрьевском университете. Расстрелян в начале 1919 г. большевиками. См. о нем: *Ленский М. П.* Никольский Борис Владимирович // *Русские писатели. XX век*. Биобиблиографический словарь. М., 1998. Ч. 2. С. 103—106.

¹⁸ *Кузьмина Л. И.* К. Р. и его переписка с деятелями русской культуры // *К. Р. Избранная переписка* / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. За-

родова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово. СПб., 1999. С. 28.

¹⁹ К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма.

²⁰ «Выписка из духовного завещания Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича, Высочайше утвержденного 5 октября 1912 года» (ААН, ф. 1, оп. 1а — 1915, № 162, л. 92 об.).

²¹ Цитирую по кн.: Кузьмина Л. И. Августейший поэт. СПб., 1995. С. 136.

²² Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899. № 729а.

²³ См. о ней: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 198—199.

²⁴ К. Р. Дневники. С. 249—250.

²⁵ По-видимому, речь идет о графине Блудовой Антонине Дмитриевне (1813—1891). Она поддерживала дружеские отношения с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, Ф. И. Тютчевым и другими видными деятелями русской культуры. Автор «Воспоминаний» (М., 1888), в которых даны интересные характеристики Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, И. В. Киреевского и др. Основательница в г. Остроге Вольнского Свято-Кирилло-Мефодиевского братства (1864), бывшего учредителем училищ и лечебниц. С 1863 г. А. Д. Блудова была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. См. о ней: Гумеров Ш. А. Блудова Антонина Дмитриевна // Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 284—285.

²⁶ Грот Яков Карлович (1812—1893) — филолог, историк, переводчик. Выпускник Александровского (Царскосельского) лицея, в котором впоследствии преподавал русский язык (1852—1862). С 1858 г. — академик; с 1889 г. — вице-президент Академии наук.

²⁷ К. Р. Дневники. С. 250.

²⁸ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 27.

²⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 197—198.

³⁰ Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899. № 3; автограф воспроизведен: Альбом Пушкинской юбилейной выставки в императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / Сост. под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899. Лр. 69.

³¹ Об альбоме см.: Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева // Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1910. Т. 15, кн. 4. С. 200—221.

³² Модзалевский Б. Л. Автограф «Мадонны» в альбоме Ю. Н. Бартенева // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 15. С. 21—25.

³³ Мадонна Пушкина // Русский архив. 1863. Вып. 1. С. 20.

³⁴ Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899. № 4.

³⁵ А. А. Майкова родилась в семье морского офицера Алексея Михайловича Трескина, который в молодости участвовал в кампании 1813 и 1814 гг., а позднее служил в Морском корпусе и состоял членом Морского ученого комитета. Брат А. А. Майковой, Николай Алексеевич Трескин, был видным деятелем народного образования. Л. Н. Майков посвятил ему статью, опубликованную в «Журнале министерства народного просвещения» (1894. № 7). О роли А. А. Майковой в судьбе пушкинских рукописей см.: Цявловский М. А. «Он между нами жил...» (К истории создания стихотворения) // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 195; *он же*. Судьба рукописного наследия Пушкина // Там же. С. 272.

³⁶ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. XV; Пушкин А. С. Сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. X. Большая часть пушкинской коллекции своего мужа А. А. Майкова передала в БАН. См.: Срезневский В. И. Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 1—2.

³⁷ Два последних автографа проанализированы М. А. Цявловским. См.: Цявловский М. А. Пушкин и Мицкевич // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 157—206.

³⁸ К. Р. Дневники. С. 337.

³⁹ Новые письма А. С. Пушкина. Июль 1830—май 1836 г. // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 20—21; вторичная публикация: Новое время. 1899. 16 мая.

⁴⁰ О В. Б. Бертенсоне см.: Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1909 год. СПб., 1909. С. 32.

⁴¹ *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому // Известия императорской Академии наук. Сер. 6. 1911. № 7. С. 511.

⁴² Русский архив. 1863. № 5/6. Стб. 430—432.

⁴³ *К. Р.* Дневники. С. 338. Н. Н. Ермолинский был шталмейстером Двора великого князя Константина Константиновича.

⁴⁴ *Кузьмина Л. И.* К. Р. и его переписка с деятелями русской культуры. С. 22. О работе К. Р. и Н. Н. Страхова над изданием посмертного собрания стихотворений А. А. Фета (*Фет А. А.* Лирические стихотворения: В 2-х ч. СПб., 1894) см. в переписке Константина Константиновича и Н. Н. Страхова, опубликованной в сборнике К. Р. «Избранная переписка».

⁴⁵ *Шильдер Н. К.* Собственноручная записка императрицы Екатерины II о греческом проекте // Русская старина. 1892. № 10. С. 1—4. *Шильдер Николай Карлович* (1842—1902) — военный инженер, генерал-лейтенант, историк, директор Гатчинского сиротского института (1879—1886), директор Николаевской инженерной академии (1886—1899), директор Публичной библиотеки (1899—1902). Автор трудов «Император Александр I, его жизнь и царствование» (1897—1898. Т. 1—4), «Император Павел I: Историко-биографический очерк» (1901) и др. В 1892—1893 гг. был редактором «Русской старины». См. о нем: Николай Карлович Шильдер (Некролог) // Исторический вестник. 1902. № 5. С. 659—664; *Голубева О. Д.* Шильдер Николай Карлович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. С. 580—583.